

О.В. Афанасов

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1940–НАЧАЛЕ 1960-х гг.

В августе 1947 г. под эгидой Всесоюзной Академии наук в г. Иркутске состоялась известная научная конференция по изучению производственных сил Иркутской области, которая признала ведущую роль региона в дальнейшем индустриальном развитии СССР¹. Однако в решениях научного форума по понятным причинам не была озвучена проблема формирования трудовых ресурсов для решения столь масштабных экономических задач в условиях слабого заселения Приангарья, так как основную роль в этом процессе должны были сыграть «спецконтингенты» МВД СССР (заключенные, военнопленные, спецпоселенцы и др.). Не случайно с конца 1940-х гг. на территории Иркутской области была развернута широкая сеть исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), осуществлявших возведение крупнейших объектов народного хозяйства в регионе.

О существенной роли принудительного труда в выполнении плана четвертой пятилетки сообщалось на страницах официальной документации мест заключения. Как указывалось в протоколе первой партконференции Ангарского ИТЛ (25–26 мая 1948 г.), «предприятия МВД занимают большое место в плане послевоенной пятилетки восстановления и развития народного хозяйства и со своими задачами справляются успешно»². Но за фасадом «успешной работы» многочисленных «предприятий МВД» скрывалось громадное число жертв и миллионы искалеченных судеб ни в чем не повинных людей. Только в Иркутской области через горнило мест заключений прошли сотни тысяч заключенных, многие из которых, не выдержав суровых климатических условий, нечеловеческого обращения со стороны охраны, тяжелого физического труда, навечно остались в Иркутской земле.

В 1940–1950-е гг. принудительный труд применялся на строительстве и обслуживании многих промышленных объектов Иркутской области. Заключенные Китойского ИТЛ (1947–1961)³,

численность которых достигала 58 768 человек (на 1.01.1952 г.)⁴, возводили нефтехимический завод и другие предприятия г. Ангарска, осуществляли жилищное строительство. На работах треста Лензолото были задействованы узники Бодайбинского ИТЛ (1947–1954), в котором, по имеющимся данным, максимально содержалось 8 304 человека (на 01.12.1948 г.)⁵. Строительство завода горного оборудования в г. Усолье-Сибирское осуществляли заключенные Усольского ИТЛ (1949–1953), количество которых доходило до 2 681 человека (на 01.12.1947 г.)⁶. Кроме того, на промышленных объектах г. Иркутска и некоторых районов области использовались заключенные небольших исправительно-трудовых учреждений (исправительно-трудовые колонии, отдельные лагерные пункты и лагерные отделения) областного подчинения.

К числу крупнейших строительных объектов Иркутской области, на котором широко использовался труд заключенных, относился Западный участок БАМа (Тайшет–Братск–Лена). В разные годы послевоенной пятилетки сооружение этой железной дороги осуществляли различные строительные и лагерные управления: Тайшетстрой, Ангарстрой, Западное управление строительства БАМ, лагерь японских военнопленных № 7, Ангарский ИТЛ, Братский ИТЛ, особый лагерь № 7 МВД СССР «Озерный» (с 1954 г. — Озерный ИТЛ), Тайшетский ИТЛ.

В районе железной дороги Тайшет–Лена (участок Тайшет — Братск) располагался печально известный своей суровостью среди лагерей сталинской эпохи — особый лагерь № 7 МВД СССР «Озерный» (1948–1954). Создание Озерлага (декабрь 1948 г.) и других особых лагерей было заранее спланированной акцией МВД в рамках репрессивной политики советского государства, главной задачей которой являлось сосредоточение политических узников в специальных местах заключения, отличавшихся особой суровостью режима от обычных ИТЛ.

Как указано в протоколе закрытого собрания первичной парторганизации первого отдела Озерлага от 18 апреля 1951 г., «постановлением правительства⁷ в системе МВД СССР организованы особые лагеря для содержания в них осужденных к лишению свободы: шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций

и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности.

Для заключенных, содержащихся в особых лагерях, устанавливается строгий режим, обеспечивающий надежную изоляцию и строгую дисциплину. Строгий режим предусматривает: использование заключенных преимущественно на тяжелых физических работах под усиленной охраной; десятичасовой рабочий день и строгие требования к заключенным по выполнению ими установленных норм выработки; усиленный надзор за заключенными в зонах и на производственных объектах; строгое наказание: перевод на штрафной режим, содержание в карцере, лишение на длительное время переписки и другие наказания за отказ от работы, за нарушение лагерного режима и склонность к побегу, за совершение уголовных преступлений»⁸.

По свидетельству самих заключенных, условия содержания в особых лагерях были крайне тяжелыми. «Мы беспрестанно находились под наблюдением. На ночь бараки запирались, но и днем заключенным не разрешали свободно ходить даже внутри зоны. Заключенные носили особую лагерную форму с номерами на фуфайках и брюках... Строго ограничивалась и контролировалась переписка... разрешали писать домой только два раза в год... Работали в невероятно трудных условиях, при жестком морозе, без теплой одежды, полуголодные», — вспоминал бывший узник Озерлага И. Бергер⁹. Другой озерлаговец К. Штайнер вспоминал: «Мы наивно полагали, что спецлагеря были созданы, чтобы облегчить условия содержания политическим, отдалив их от уголовников. В реальности они были организованы, чтобы лучше их терроризировать»¹⁰.

Численность узников на протяжении существования Озерного лагеря колебалась, достигнув своего максимума в начале 1950-х гг. — 38 580 человек на 01.08.1951 г.¹¹ Большинство озерлаговского «населения» составляли политзаключенные. Так, на 18 апреля 1951 г. особый лагерь № 7 МВД СССР «Озерный» имел в своем составе 55 лагерных пунктов, из них 47 лагпунктов с «особым контингентом», где содержалось 33 225 человек и 8 лагпунктов с «общелагерным контингентом» заключенных, где содержалось 3 685 человек, в том числе 1 689 человек расконвоированных¹². Таким образом, в особлаге № 7 содержались не

только узники, осужденные за «контрреволюционные» преступления по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР и подобных статей УК союзных республик, но и заключенные, осужденные по обычным уголовным статьям УК, так называемые «бытовики», почти половину которых составляли расконвоированные, часть из них «обслуживала» лагпункты «особого контингента», занимая различные хозяйственные и другие «привилегированные» должности в подразделениях Озерлага (заведующие столовых, кладовщики, каптерщики, шоферы, электрики и т.д.).

Качественный состав заключенных «особого контингента» менялся в зависимости от политической ситуации в стране. В годы сталинского режима в Озерном особлаге содержались: советские военнослужащие, побывавшие в плену; представители первой волны русской эмиграции; лица, обвиненные в сотрудничестве с фашистами в годы войны; участники националистических движений Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, и те, кто сотрудничал с ними или сочувствовал им; деятели оппозиции прежних лет; члены партии, ставшие жертвами террора 1930-х гг.; инакомыслящая молодежь и др. Кроме репрессированных соотечественников в послевоенный период в лагере содержались немцы, поляки, венгры, французы, японцы, корейцы и представители других национальностей.

В конце 1940–начале 1950-х гг. труд заключенных Озерлага широко применялся на железнодорожном строительстве. Возведение железнодорожной магистрали Тайшет — Лена велось по облегченной схеме «скоростными» методами, с преобладанием ручного труда заключенных и военнопленных, что естественно сказывалось на качестве выполненных работ.

О техническом оснащении Озерного лагеря сообщалось в протоколе собрания партийного актива Озерлага (25–26 февраля 1950 г.). К концу февраля 1950 г. в лагере имелось 85 тоннажных автомашин, 3 экскаватора, 2 трелевочных трактора, 3 паровоза узкой колеи, 13 тракторов для сельского хозяйства, 8 локомотивов, 15 электростанций, из которых 13 были локомотивными, 3 шпалорезки, 2 лесорамы, 4 бетономешалки, 3 растворомешалки, 2 камнедробилки, 8 электропил. Бульдозеров, компрессоров не было¹³. Такое количество техники обслуживало трассу Тайшет–Братск, протяженностью более трехсот километров.

Не лучшим образом обстояло дело с обеспечением рабочих бригад сезонным обмундированием и производственным инструментом. Как сообщалось на первой партийной конференции Озерлага (11 октября 1950 г.), «заключенные работают в каменных карьерах, а рукавиц нет, ... работают голыми руками». Далее указывалось, что в июне отдел интендантского снабжения прислал 200 пар меховых рукавиц. А зимой людям приходилось работать в летнем обмундировании и без рукавиц. В рабочих бригадах отсутствовали кувалды, использовались дефектные лопаты¹⁴.

Необходимо обратить особое внимание на качество питания — важный аспект проблемы выживания заключенных в лагерных условиях. Фактами воровства, порчи продуктов, приготовления недоброкачественной пищи и т.п. в местах заключения изобилуют даже официальные документы. В протоколе закрытого партийного собрания второго лагерного отделения Озерлага от 21 февраля 1950 г. констатируется, что на 06 лагпункте картофель заморожен, а его недостача составляет 24 тонны (!), 037 лагпункт плохо обеспечивается продовольствием, и заключенные «сидят без продуктов», пекарня в запущенном виде, заведующий пьет, хлеб выпекается плохой, в лагпункте 03 царит мошенничество, продукты идут не по назначению¹⁵.

Подобное положение дел имело место и в вещевом снабжении узников лагеря. На собрании партийного актива Озерлага, состоявшегося 25–26 февраля 1950 г. сообщалось: «50% контингента у нас не обуто, на 07 лагпункте на 1000 человек выдано 70 шапок»¹⁶. Об особенностях обеспечения заключенных обмундированием сообщал на первой партийной конференции Озерлага (11 октября 1950 г.) начальник 045 лагпункта Осипов: «К нам прислали инвалидов, разутых, раздетых. До сих пор (в октябре месяце, в Сибири (!) — О. А.) люди ходят в трусах, нет портянок, обуви»¹⁷.

Ситуация с трудовым использованием заключенных Озерлага осложнялось еще и тем, что в лагере содержалось большое количество ослабленных узников, не способных выполнять тяжелую физическую работу. В протоколе собрания партийного актива от 25–26 февраля 1950 г. начальник лагеря С.К. Евстигнеев сообщал: «По учетным данным мы имеем: заключенных I категории труда (тяжелый физический труд. — О. А.) — 49%, заключенных II категории труда (средний физический труд. — О. А.) — 45%, заклю-

ченных инвалидов — 6%... из числа заключенных II категории труда есть значительное количество почти неработоспособных, вследствие различных органических заболеваний и возрастных изменений»¹⁸. Эти данные показывают, что многие заключенные Озерлага не могли выполнять положенную норму выработки, не говоря уже о перевыполнении плана. По сведениям бывшего заключенного Ангарлага И.Е. Киречанского, получить 1050 граммов хлеба (за перевыполнение рабочей нормы. — *О. А.*) можно было лишь благодаря припискам. Честно же заработать данную пайку при тяжелом ручном труде было невозможно¹⁹.

О практике строительства железной дороги Тайшет–Лена в тот период, существует множество воспоминаний заключенных Озерлага. По свидетельству известного поэта А.В. Жигулина нормы выработки грунта на человека были заведомо невыполнимые, рассчитанные на истощение и гибель. Чтобы сохранить людей и выполнить производственный план бригадиры нередко использовали «туфту»²⁰. Расчищали от снега участки для выемки грунта, снимая верхний слой. Внешне все выглядело нормально. Стояли тачки с глиной наготове. Но в насыпь насыпали не землю, а снег, трамбовали его, валили деревья, клали хвою из крон. Насыпь росла, засыпалась сверху землей на полметра и вновь трамбовалась. Снег, хвоя, деревья и земля смерзались в прочный монолит. Сверху клали рельсы и шпалы. «Туфта» обнаруживалась лишь через восемь-девять месяцев, когда бригада находилась уже на другом участке, в другом месте. Огрехи исправляли досыпкой грунта другие заключенные²¹.

К началу 1950-х гг. был уложен главный путь на основных участках железнодорожной трассы: Тайшет–Братск (ноябрь 1947 г.) и Братск–Усть-Кут (ноябрь 1950 г.). Однако из-за многочисленных недоделок принятие магистрали Тайшет–Лена в постоянную эксплуатацию министерством путей сообщения состоялось только в 1958 г.

Наряду со строительством и обслуживанием железнодорожной магистрали заключенные Ангарлага и Озерлага развивали инфраструктуру придорожных поселков (Вихоревка, Чуна, Анзеби и др.), где строили вокзалы, больницы, столовые, клубы, магазины, жилые дома.

В 1950-х гг. труд заключенных Ангарского и Озерного лагерей широко использовался на заготовке и переработке древесины. Так

в Чунском и Анзebo-Вихоревском лесных массивах находились основные лесозаготовительные лагпункты Озерлага. Здесь же располагались его лесоперерабатывающие предприятия, в первую очередь Чунский деревообделочный комбинат (ДОК), который не только обеспечивал потребности железной дороги Тайшет–Лена, но и поставлял продукцию (пиломатериалы, стандартные сборные дома) на «великие стройки социализма», в том числе на строительство Сталинградской ГЭС и Главного Туркменского канала. Узники Озерного и Ангарского ИТЛ внесли свою лепту в строительство Братской ГЭС, где в конце 1950–начале 1960-х гг. очищали ложе будущего водохранилища, прорубали просеки под линии электропередачи. С 1963 г. подобные работы проводились Озерлагом и в районе строительства Усть-Илимской ГЭС. Не без участия заключенных Озерлага и Ангарлага развивался Тайшетский промышленный узел. Ремонтom основного числа механизмов и техники, используемой в районе трассы Тайшет–Лена, занимались заключенные, работавшие в цехах центрального авторемонтного завода г. Тайшета. Потребности железной дороги в шпалах удовлетворял тайшетский шпалопропиточный завод, на котором также применялся принудительный труд. В конце 1950-х невольники Озерного ИТЛ использовались Юртинским специализированным управлением «Индустрой» (пос. Юрты, Тайшетский р-н), а также Иркутским СМУ треста «Гидролизпромстрой», строившим гидролизный завод в пос. Суетиха (ныне г. Бирюсинск, Тайшетский р-н)²². Важное значение для развития региона имел Осетровский речной порт в Усть-Куте, ставший главным опорным пунктом для завоза грузов на Север, в отдаленные районы Иркутской области и Якутии. При его сооружении в начале 1950-х гг. применялся труд невольников Ангарского ИТЛ²³.

Таким образом, в конце 1940–начале 1960-х гг. заключенные исправительно-трудовых лагерей принимали непосредственное участие в освоении и промышленном развитии Иркутской области. Именно невольники Ангарлага, Китойлага, Озерлага, Услага, Тайшетлага и других мест заключения стали первостроителями многих промышленных объектов региона. Однако, вклад «спецконтингентов» в развитие экономики Иркутской области долгое время не афишировался, наоборот, акцент в промышленном освоении края делался на решающую роль участников «комсо-

мольско-молодежныхстроек», хотя в отличие от вольнонаемных рабочих лагерники выполняли наиболее трудоемкую, неквалифицированную работу при минимальных затратах на жилищное обеспечение, оплату труда и социально-бытовое обслуживание.

Примечания

¹ История индустриального развития Иркутской области (1926–1975): сб. документов / под общ. ред. З.Т. Тагарова. Иркутск, 1983. С. 97–98.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 4765, оп. 1, д. 160, л. 43об.

³ В 1948–1953 гг. именовался как ИТЛ строительства 16 (Система исправительно-трудовых лагерей СССР, 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. С. 293, 407).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414, оп. 1а, д. 495, л. 4.

⁵ Там же, д. 466, л. 159.

⁶ Там же, д. 455, л. 194.

⁷ Особые лагеря были организованы в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 416–159 сс от 21 февраля 1948 г. (текст постановления см.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х–первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7-ми т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 326–327).

⁸ ГАНИИО. Ф. 5342, оп. 1, д. 79, л. 37–38.

⁹ Бергер И. Крушение поколения. Firenze, 1973. С. 266.

¹⁰ Stajner K. 7000 jours en Sibirie. Paris, 1983. P. 311.

¹¹ ГАРФ, Ф. 9414, оп. 1а, д. 485, л. 40, 46.

¹² ГАНИИО. Ф. 5342, оп. 1, д. 79, л. 38.

¹³ Там же, д. 8, л. 8.

¹⁴ Там же, д. 7, л. 19.

¹⁵ Там же, д. 34, л. 12, 17–18.

¹⁶ Там же, д. 8, л. 42.

¹⁷ Там же, д. 7, л. 17.

¹⁸ Там же, д. 8, л. 19–20.

¹⁹ Народная газета (Иркутск). 1993. 16 февр.

²⁰ «Туфта» — липа, обман; очковтирательство; работа, сделанная лишь для видимости; заведомо ложные, завышенные показатели в официальном отчете (Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 2. С. 414).

²¹ Жигулин А.В. Черные камни. М., 1989. С. 134–135.

²² Афанасов О.В. Заключение Озерлага и освоение северо-западной части Иркутской области в конце 1940–начале 1960-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001. С. 157–158.

²³ ГАНИИО. Ф. 4765, оп. 2, д. 243, л. 98.